

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УДАРНИК СЛАНЦА

№ 61 (154) 26 июля 1935 года № 61 (154)

Орган парткома,
рудкома
и комитета ВЛКСМ
Гдовского
сланцевого комби-
ната имени
С. М. КИРОВА

Делегаты наших рудников приветствуют окружную партийную конференцию.

ЧТО ВЫ ЧИТАЕТЕ? КНИГА ДОЛЖНА СТАТЬ ЛУЧШИМ ДРУГОМ КАЖДОГО РАБОЧЕГО

Я ЛЮБЛЮ РОДИНУ И ЕЕ ГЕРОЕВ

Из писателей мне очень нравится Михаил Зощенко. Не раз и не два читал я его рассказы и фельетоны, читал отдельные сборники. Но раньше Зощенко в большинстве своих новелл брал на острие пера одну тему—мещанство и это обнообразие начинало надоедать.

Но зато с каким удовольствием мы коллективно прочли его „Возвращенную молодость“. Я помню, мы сидели в своей комнате, а молодой вагонщик шахты им. Кирова Ваня Ефимов, по обыкновению, хорошо и понятно читал нам эту книгу. Сколько было искреннего смеха, с каким упоением мы рылись в комментариях к этой книге! Говорят, Зощенко недавно написал „Голубую книгу“—мы ее будем обязательно читать.

Мы любим не только книги. У нас вошло в привычку не пропускать ни одного звукового кинофильма в клубе. Недавно мы видели на экране картину „Восстание рыбаков“, произведение германского пролетарского режиссера Эрвина Пискатора. Он правдиво показывает гнилой мир капитализма с его неприкрытым грабежом, нищетой и проституцией. Мне очень понравился образ большевика в фильме, который вначале остался один, но затем организовал и сплотил рабочих. Я люблю его, как нашу родину и ее героев...

Кочегар А. Наскевич

Приходите еще!..

Вместительный шестнадцатый барак был заполнен людьми в этот вечер. Старички, женщины, маленькие дети сидели на скамьях, в рывках—кто где сумел и жадно слушали. Я читала им отрывок из повести „Мать“ Максима Горького. Мать большевика Павла Власова на их глазах росла, сама становилась непартийной большевичкой, как теперь говорим мы. И когда я прочла рабочим о том, как Нилевна проводила по железной дороге нелегальную литературу, одна женщина в бараке прослезилась.

— Уж очень душевно написано,—говорила она.

После чтения отрывка, мы с тов. Титовым рассказывали о содержании всей книги. Все рабочие слушали с исключительным вниманием. А потом, когда мы собирались уходить, нас просили!

— Обязательно приходите еще!..

Так прошла 21 июля литературная беседа у рабочих 16 барака. Подобные беседы мы будем проводить и в других бараках.

Библиотекарь
Антонова

Юные читатели.

ДРУЗЬЯ КНИГИ

По широкой лестнице клуба, опираясь на палку, бодрой походкой поднимается семидесятилетний старик Лопатин. Он идет в библиотеку Фома Станиславович—активный читатель. За год он прочел больше двадцати книг. В этом списке произведения Гончарова, Эренбурга, Горького и др. Фома Станиславович читал даже Достоевского.

—Язык у него только очень трудный,—улыбаясь говорит он.

А читая замечательную книгу „Мать“ Горького, он вспоминает боевые дни 1905 года. Да мало ли что может вспомнить по книгам этот семидесятилетний старик и член партии.

Активный читатель Прудников работает банщиком. В левом углу его учетной карточки стоит цифра 1885. Это год рождения. И он за год прочел около 50 книг.

Но друзьями книги являются не только старики. Вот вагонщик шахты им. Кирова Филиппович. Аккуратно каждую шестидневку он является в библиотеку. За короткий срок он прочел ряд книг Зощенко, „Похождения бравого солдата Швейка“ Ярослава Гашека, „Цусиму“ Новикова—Прибоа, „День второй“ Эренбурга и др.

Таковы они—эти друзья книги, старые и молодые...
Г. Искров

ДВАДЦАТЬ ДВА

(Два отрывка из стихотворения)

Как обычно ночью или вечером
Тучи шли домаясь и дробясь,
Молниями путь просвечивая
И деревья втаптывая в грязь.
Жели лампы перед глазами
И молили старики Илью
Не сверкать так грозными глазами
Не дробить несчастную землю...
Ветры бушевали над мостечком,
Дождь отчаянно стучал и лил,
Надвигались тучи из Запечья,
Улицей нашей шли,
Где тупое рыло самовара
С вывески единственной смотрело
И где девушки,

тоскуя о гитарах,
Тихо на завалинках сидели.
Ждали счастья, обязательно богато,
В хромовых ботинках, при часах
Вечерами плакали над хагами
Нюющей гармошки голоса.
Ивы шелестели над оградою:
Все хотели что то рассказать
.. Ждал отец когда придет,
как надо
Грянет, настоящая гроза.
Нас клеть поднимает наверх,
Несет осторожно клеть...
Вечер идет величаво
И мы начинаем петь.
Солнце устав качаться
Уже золотит леса.
Под эстакадой акации
Белеют как паруса.
Солнце опустится вскоре
Впитает росу трава...
А я упиваюсь морем
Хоть на море не бывал...
Я очень взволнован, ребята,
Я каждому слову рад...
Я слышу как в небе орлята
Кировские летят.
Я вижу врезаюсь в воздух,
В закатном огне горя,
Взлетают в невидным звездам
Рудничные планера.
Летят самолеты мимо—
Их еле достанет глаз...
На парашютах любимые
Любить прилетают нас.
Я радость не стану прятать,
Пусть песня вступает в права...
Я очень взволнован, ребята,
Сегодня мне—двадцать два.
И. Ветров.

Вырасту—буду Чапаевым

Я люблю читать. Когда берешься за хорошую книгу и с первых страниц она тебя начинает заинтересовывать, то потом уже не хочется отрываться. Какая-то сила заставляет продолжать чтение и говорит:

— А что дальше?

Так я читал книгу „Чапаев“—Фурманова, „Железный поток“—Серафимовича и др. Я заражался героизмом отцов, мне самому хотелось быть Чапаевым и Кожухом. Кроме этих книг я недавно прочел, „Поднятую целину“—Шолохова и

„Петр Первый“—Алексея Толстого. Как живые—предомножно встали типы колхозников, типы большевиков—организаторов, как Давыдов. Хорошо показан и кулак Островнов. По этой книге Шолохова мы учимся распознавать и ненавидеть классовых врагов.

Понравился мне и „Петр Первый“. В этой книге хорошо показаны характер и быт русского народа в прошлом. Я сейчас хотел бы прочесть вторую книгу „Петра Первого“.
Мне 13 лет. Я читаю

серьезные книги, а ведь мне хотелось бы прочесть ряд книг и для детей среднего возраста. Между тем таких увлекательных книг в нашей библиотеке нет. А их нужно будет приобрести. Мало в ней и таких замечательных книг как „Я люблю“—Авдеенко. Я хочу прочесть ее, потому, что я люблю книги, люблю таких героев, как Чапаев. А вырасту—буду таким же смелым и бесстрашным как Чапаев.

Пионер Хорев

ПРИВЕТ РОМЭН РОЛЛАНУ!

О товарище

Ветер упрямый
Плещет тоскливо...
Эта в памяти ночка свежа
Под мохнатой папахой
Развесистой ивы
Мой товарищ остался ле-
жать.

Вместе шли мы
В разведку ночную,
И упрямством горели глаза.
Он кончины еще не почуяв
Полушепотом мне сказал:
— Не умру я
От вражеской пули,
Пронесу голову на плечах...
Меня годы тюрьмы
Не согнули—
Потому моя кровь горяча.
Тихо шли мы,
Запратив тени
В шелестящую зелень ку-
стов
И минуты неслышно ле-
тели,
Уносились в сосновый про-
стор.

Но вернуться вдвоем
Не пришлось нам
Я один донесенье принес
Когда солнце
Бродило по соснам
Зажигая расцветку рос.
Невысокий и крепкий Ви-
талий
Ранен пулею вражеской
был...

И дымилась туманная даль
Блеском глаз его голубых...
Он сказал:
— Исполни порученье,
Постарайся вернуться в
полк...
Обо... мне... пере... дай—
Арсеньев
Свой последний исполнил
долг...
Мих. Лесной

В июне в столице Фран-
ции—в Париже происходил
необычный съезд. Лучшие,
передовые писатели всего
мира собрались на кон-
гресс защиты культуры.
Писатели создали между-
народное объединение для
защиты культуры и борьбы
против войны, против фа-
шизма.

Парижский конгресс пи-
сателей—событие огромно-
го значения. Большинство
участников его не так дав-
но были убеждены, что они
стоят вне классов и клас-
совой борьбы. Суровая дей-
ствительность открыла им
глаза. Писатели увидели,
что фашизм губит куль-
турные ценности, насажда-
ет варварство и одичание,
что истинная творческая
работа происходит только
в Советском Союзе, где
строится новая социалисти-
ческая жизнь, новое общест-
во. И в речах всех высту-
павших участников съезда

прозвучал пригovor гибну-
щему капиталистическому
миру и радостное приветствие
революционному пролета-
риату, который является
единственным наследником
мировой культуры и сам
создает величайшие куль-
турные завоевания.

Лучшие писатели, которы-
ми гордилась буржуазия,
признали теперь творчес-
кую силу освобожденного
народа и перешли на его
сторону. Руководимый уче-
нием Маркса—Энгельса Ле-
нина—Сталина пролетариат
одержал еще одну истори-
ческую победу.

Среди лучших, действительно
передовых иностранных писате-
лей первое место занимает Ромэн
Роллан, бесстрашный борец за
правду, революционер мысли,
верный друг Советского Союза.
Первым из французских писате-
лей Роллан протестовал против
империалистической войны. Не-
утомимая борьба, искание спра-
ведливости, глубочайшее уваже-
ние к человеку—отличительные
черты жизни и творчества Рол-
лана. Свое яркое выражение эти

черты нашли в его многотомном
романе „Жан Кристоф“.

Повесть Ромэн Роллана
„Кола Бреньон“, вышедшую
в 1918 году, Максим Горь-
кий считает „быть может,
самой изумительной книгой
наших дней“. По мнению
Горького, „нужно иметь
сердце, способное творить
чудеса, чтобы создать во
Франции, после трагедий,
пережитых ею, столь доб-
рую книгу, книгу непоко-
лебимой и мужественной
веры в своего, родного че-
ловека“...

Называя себя внуком
своего героя Кола Бреньона,
Роллан подчеркивает этим
роднящие их качества—не-
утомимое творчество, рад-
ость бытия, уважение к
труду, уверенность и стой-
кость.

Ромэн Роллан—не молод.
Ему 67 лет. Но неувероти-
мый дух молодости живет
в нем. Сейчас он в Совет-
ском Союзе—стране, кото-
рую хорошо понимает и
любит. Он беседовал с вож-
дем нашего великого наро-
да Сталиным, встретился
со своим старым другом—
великим пролетарским пи-
сателем А. М. Горьким. Он
увидел нашу растущую
молодую родину, где проц-
ветает сталинская забота о
человеке, где создаются
величайшие духовные и
материальные ценности,
где раскрепощение лично-
сти и братство народов со-
ставляют почву для даль-
нейших невиданных побед.
И никакие силы в мире не
смогут отнять завоеванное
кровью и трудом у под-
линных хозяев и наслед-
ников всех земных богат-
ств—свободных рабочих и
крестьян!

Привет Ромэн Роллану,
страстному борцу за чело-
вечество, за мир, великому
художнику и чуткому дру-
гу трудящихся, дорогому
гостю Советской страны!

В СТРАНАХ КАПИТАЛА

Безработный похует на скамейке парка.

Ромэн Роллан

Кола Бреньон

(Отрывок из повести)

Кола Бреньон—славный малый, бургундец, с прямой натурой,
с круглой фигурой... Не первой молодости—пятьдесят лет уже стук-
нуло—но коренастый, зубы—крепкие, глаза—как платва, волосы на
башке густые, хоть и седые... Так описывает себя французский ре-
месленник семнадцатого столетия Кола Бреньон—герой одноименной
повести Ромэн Роллана.

Многое видел Кола и охотно рассказывает об этом. Он подни-
мал мятеж против городских властей, испытал осаду вражеской армии
и нашествие „защитников“—королевских солдат. Кола пережил чуму.
Дем его был сожжен, лучшие резные работы изуродованы помещиком
и ничто ни сложило в нем бодрости и жизненной силы.

— „Жизнь хороша, —говорит Кола, —о, друзья мои! Единствен-
ный ее недостаток, что она коротка: ее никогда не хватает“...

...Хотя моя внучка попра-
вилась, я не очень торо-
пился возвращаться домой;
я остался около нее, нас-
лаждаясь ее выздоровлени-
ем еще более, чем она.
Выздоровление ребенка—
это все равно, если бы вы
видели сотворение мира;
вся вселенная кажется мо-
лочной, только что вылу-
пившейся из яйца. И так,
я сложился, рассеянно слу-
шая новости, которые при-

носили ходившие на ры-
нок кумушки. Но вдруг од-
нажды, услышав некое сло-
вечко, я насторожил уши,
как старый осел, который
видит приближение дубин-
ки погонщика. Говорили,
что загорелось в Кламеши,
в Бевроне предместье,
и что дема пылают, как
охапки хвороста. Я не мог
добиться никаких других
разъяснений. С этого момен-
та я из сочувствия сидел

на горячих угольках,
Сколько мне не говорили:
—Будь спокоен! Дурные
вести быстры, как ласточ-
ки. Если бы дело шло о
тебе, ты бы уже знал. Кто
говорит о твоём доме?

В Бевроне не одиносел...
Я не мог устоять на мес-
те, я говорил себе:
— Это он... Он говорит,
я чую гарь...

Я взял свою палку и по-
шел...

Я шел быстрым шагом.
Я миновал Валлие, и я на-
чал подниматься по отло-
тому лесистому холму, ко-
гда внезапно увидел на
склоне приближавшуюся
тележку и в ней дядюшку
Жожо, мельника из Муло,
который, узнав меня, оста-
навливается, подняв кверху
квут и кричит:

— Ах ты, бедняга!
Меня словно по животу удари-
ло. Я остановился на краю до-
роги, разинув рот. Он продолжает:
— Куда ты идешь? Поворачи-
вай назад, брат Кола! Не ходи в

город, у тебя разольется желчь.
Все сожжено, снесено. У тебя
ничего больше не осталось.

Скетица, каждым словом он
выворачивал мне внутренности.
Я храбрился, глотал слюну, вы-
прямился и говорю:

— Чорт дерь, отлично знаю.

— Тогда,—говорит он о доса-
дой,—чего тебе там надо? Я от-
вечаю:

— Остатки.

— Ничего не осталось, говорю
тебе, ничего, ничего, сгорело все
до тла.

— Жожо, ты преувеличиваешь.
Я никогда не поверю, чтобы оба
мои ученика и мои славы со-
седки глядели, как горит мой дом,
и не пытались вытащить из
огня для меня несколько кашта-
нов, какиенибудь пожитки, как
это делается между братьями...

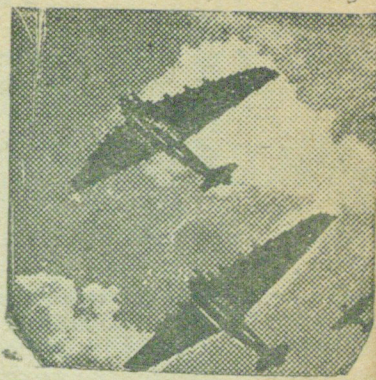
— Твои соседи, несчастный?
Да они-то и подождли!

Меня оразил этот удар. Жожо
сказал с торжеством:

— Ты видишь, что ты не зна-
ешь ничего!

Я не сдавался, но он,
убедившись теперь в том,
что первый сообщает мне
дурное известие, принялся
с удовлетворением и огор-
чением повествовать, как
там жарили:

— Это чума,—сказал он.

Все выше, и выше и выше
Стремим мы полет наших птиц
И в каждом пропеллере дышет
Свободствие наших границ.

Высь непокорная будет нашей

Окутала ночь меня темнотой,
Глаз не могу сомкнуть,
Как призрак, как крик и стон
Встает предо мною недавняя
жуть.

И вижу как ласточкой самолет
сорвался с земли взлетая,
В небо он лез упрямо и—вот
В мутной воде облаков растаял.
Летчик сказал: „Приготовься,
Анюта“.

И рукою уцепил махнуть...
Ты не знала в пути, что через
минуту
Твой окончится жизненный
путь...

Во время дернула ты кольцо,
Сердце в груди колотилось
скупо,
Но не раскрылся, лишь закрыл
лицо

Этот спасительный шёлко-
вый купол...
Гулубем порхнула ты с высоты
Камнем тяжёлым упала...

Еще в воздухе была живая ты
Дошла до земли и, вдруг, не
стало...

Вся в огне голова моя
Мысль бредет, как овца
заблудшая:

„Почему это ты? Пусть уж я!
Но только б не самая
лучшая...“

Пусть зима вместе с нами
скорбя
Обоймет и могилу снегами
лотыми...

Знай, никогда не забудут тебя
Парни и девчушки с
парашютами!

Знай, дорогая, нам с этой
печтой
Пусть воздушный не будет
страшен

Мы говорим: „Несмотря ни
на что
Высь непокорная будет
нашей!“

Иг. Чудинов

— Они все сошли с ума.
Но почему же все эти гос-
пода из замка и городского
управления, старшины,
прокурор, оставили нас?
Не стало пастухов! Бараны
взбесились. Когда в Бевро-
не опять заболело несколь-
ко человек, стали орать:
„Сожжем зачумленные до-
ма!“ Сказано—сделано. И
как тебя не было самого,
то, понятно, начали с твое-
го. Трудились от чистого
сердца, кто как мог: пола-
гали, что работают на поль-
зу города... Короче говоря,
они сожгли все!

— Хотел бы я это ви-
деть. Красиво, должно быть,
было, сказал я.

Я так и думал. Но я ду-
мал еще:

— „Я умер! Они убили
меня“.

Но я поостерегся ска-
зать это Жожо.

— Значит, тебе все равно,
—сказал он с недовольным
видом. ((И славный чело-
век и меня очень любит,

Михаил Багун

Фот-этиюд

СМЕРТЬ ВАНДЫ

Забрезжил рассвет. Ванда уже была на ногах. Торопливо одевшись и набросив на худые, костлявые плечи пальто, она вышла на берег Немана.

Солнце еще только начало выходить из густого сонника. Его лучи по матерински ласкали землю и смуглое лицо Ванды.

Неожиданно до слуха Ванды долетели приятные, чарующие звуки и слова гимна, зовущие к борьбе. Это были не слова, а вызов на борьбу.

Ванда широко открыла глаза—угольки, напрягла слух. Слова стали понятны.

— Вставай проклятем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов.

Ванда подняла голову и зачарованными глазами посмотрела в ту сторону откуда неслись слова гимна.

В голове всплыла вереница воспоминаний. Ванда рассуждала.

Это было несколько месяцев тому назад. Синие, мягкие, майские сумерки, словно птичий пух, ложились на землю и пугливо садились где-то там за сосновым лесом.

Жара спала. Воздух стал густой, и был наполнен запахом сосен, берез. Вот в такую пору Ванда с Яковом сидела вот здесь, на этом пригорке и наблюдал как на том берегу трудящиеся Советской Белоруссии праздновали первый май.

Ванде кажется, что вот и сейчас они садут вдвоем с Яковым и глазами окунут простор того берега откуда широко и задорно несется полные юношеской бодрости и силы песни.

Но это было только тогда в мае.

— Сейчас Якова нет. Он сидит в Гродненском каземате.

Голова Ванды низко опускается от грустных дум. Шість лет дали за то, что в кармане нашли листов бумаги с которого горластые буквы кричали:

— Обращение к трудящимся крестьянам западной Белоруссии.

Вот еще и сейчас с головы Ванды не выходит письмо Якова

Ванда!..
«Сегодня снова допрашивал меня поручик Зарэмба—так начиналось письмо.

Сначала били меня до потери сознания, потом загоняли под ногти острые шпильки и булавки. Когда и после этих «шуток» поручик Зарэмбы я отказался назвать фамилию товарища давшего мне листовку, меня по его милости подвесили за ноги к потолочной перекладине, но сломать меня не удалось. Я попрежнему держусь стойко. Я же—комсомолец.

Ну пока. Твой Яков».

Взгляд Ванды снова перелетел на советский берег Немана.

Тихо в воздухе колыхались знамена и манили к себе Ванду. Но проклятые отрепье пилсудских наймитов не пускало осуществить заветную мечту и сурово наказывало.

Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем тот станет всем»

Снова летели эти бодрые призывные звуки.

Глаза Ванды блестели. Высокая грудь часто приподнималась шевеля кофточку. Ванда почувствовала как по ее телу пробежала сила и желание сделать, что то необычайное.

Ванде было всего 19 лет. Но за эти года она много уже пережила в этой Польше. Все стремления, все мысли Ванды несутся туда в социалистическую родину.

что добрый господин Филибер заказывал мне... Но на этого чорта было нелегко угодить. Едва кончив, приходилось начинать сначала. Что же касается денег, то их было редко видно... Но беда, он был способен любить хорошие вещи, в дереве, как и во плоти, и почти одинаковым способом (это хороший способ, нужно любить произведение искусства, как любишь любовницу, страстно, духом и телом). И хоть он, скряга, не уплатил мне,—он меня спас! Ибо я воплю здесь, когда погуб там. Дерево моего прошлого уничтожено, но эти плоды мне остаются, они защищены от огня и мороза. И мне хочется увидеть их вновь и вкусить от них, чтобы вернуть вкус к жизни.

Я вошел в замок. Меня там хорошо знали. Хозяина не было, но подвымышленным предлогом, снятия марки для новых работ, я пошел туда, где, как я знал, я должен был найти моих детей. Прошло уже много лет, с тех пор, как я их видел. Пока художник чувствует в своих чреслах силу, он родит и не помышляет более о том, что он родил. Кроме того, в последний раз, когда я хотел войти, господин да—Кюни воспрепятствовал мне в этом с каким-то странным смехом. Я решил, что должно быть, он прачет какую-нибудь распутницу, чью-нибудь мужнюю

С чащи соснового леса выскочили жандармы с поручиком во главе.

Ванда удивленно смотрела в глаза поручика. Ее темно звездные очи белели по военной, блестящей одежде.

— Смотришь! Слушаешь! Крепкая колючая рука поручика обтянута белой перчаткой изо всей силы опустилась на бледное лицо Ванды.

— За, что, пан поручик?..

— Не спрашивай, большевистская сволочь!— рявкнул поручик. Ванда не успела опомниться, как на хрусткое тельце посыпались удары резиновых палок и прикладов, тяжелых жандармских прикладов.

Ванда упала лицом на цветистый ковер лугов и донес снова долетели слова гимна.

«Это есть наш последний и решительный бой!..»

Ванда чуть приподняла свои руки в сторону несли и громко сколько было силы крикнула:

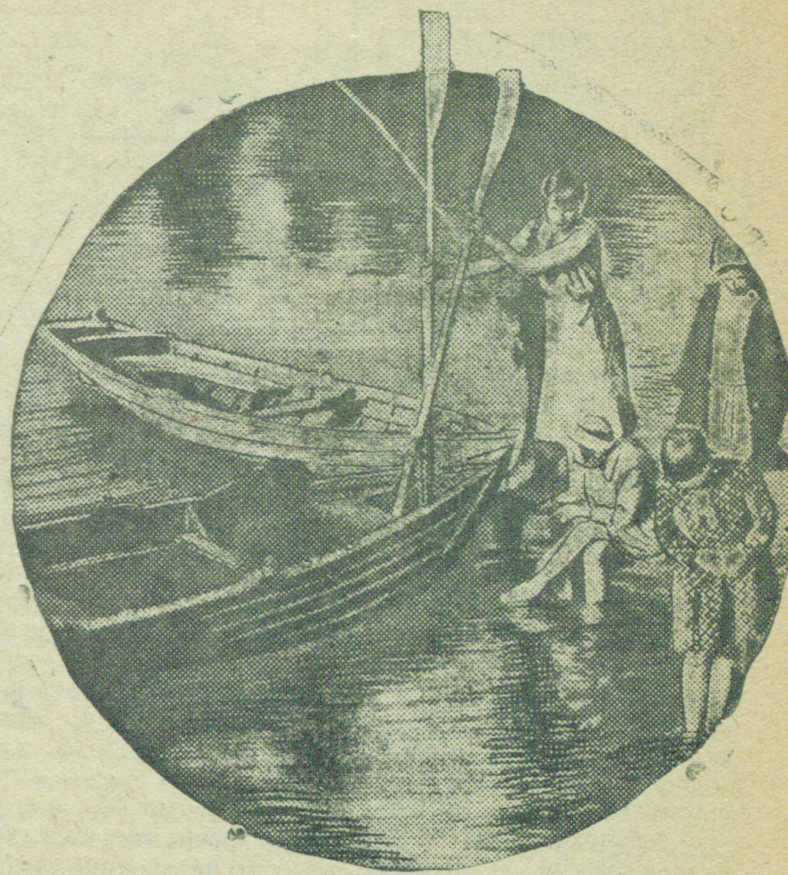
— Нет не последний!.. Пусть жи вет советская страна. Смерть па-р... и упала простреленная, словно птичка пулей поручика.

Еще долго неслись бодрые, радостные песни с того берега разносясь далеко в июльском утре.

Но Ванда уже их не слышала.

Она окровавленная лежала на зеленой, мохнатой траве, а стеклянные глаза смотрели с ненавистью туда в Польшу.

Темным вечером когда небо нарядилось в ночную блестящую одежду, мертвое изуродованное тельце комсомолки Ванды на тряской телеге повезли домой.

Вечером на реке.

Зря кукушка куковала...

Утром ранним равня кукушка
Куковала долго на суку...
Отзывалось эхо на опушке
На кукушкино ку ку...
Выходила тайно на полянку,
Где березы стлы у пруда,
Молодая девушка белая
О судьбе девичьей погадать...
Выходила под кустом садилась
И кукушка насчитала ей до ста
Замечталась девушка, а милый
Вышел из за пышного куста.
И когда с любимым целовалась.
Говорили мне ее глаза—
Зря кукушка долго куковала
Не могла кукушка предсказать,
Что хоть дней прошло немало мимо
Чувств его никто не отступил.
Прилетел из армии любимый
С орденом почетным на груди.

Б. Маринский.

но совсем не лишено приятности,—проклятая человеческая природа: — увидеть иной раз соседа в беде, хотя бы для того, чтобы иметь удовольствие утешать его).

Я сказал:
— Жаль, что для такого красивого огня не дождалась Ивановой ночи.

— Я сделал шаг вперед.
— И ты все таки идешь туда?

— Иду туда. Прощай, Жюжо.

— Чортов чудак!
Он стегнул лошадь.

Следующие за тем минуты были тяжкие минуты. Не было больше надобности корчить бахвала. Я мог горевать до отвала. Я не отказывал себе в этом.

... Когда, сидя на своем горшке, я искал вокруг какую либо опору, я увидел неподалеку заветную власяницей деревце зубчатую башню замка Кюни. И внезапно я вспомнил прекрасные работы, которые я в течение двадцати пяти лет поставлял туда: мебель, резную обшивку стен, точеные лестницы, все,

жену, и так как я был убежден, что эта не моя жена, я ни чуть этим не обеспокоился. И потом с прихотами знатных охотников спорят так благоразумнее. В Кюни никто не пытается понять хозяина: он немного с придурью.

И так, я храбро поднялся вверх по большой лестнице. Но я не сделал и десяти шагов, как подобно жене Лота окаменел на месте. Кисти винограда, ветви персиков, цветущие лианы, которые обвивались вокруг точеных поручней были срезаны сильными ударами ножа. Я не верил глазам, я ошупывал обими ладонями бедных калеки, я чувствовал под м о и м и пальцами нанесенные им раны. Со стоном, с прерывающимся дыханием я одним махом взлетел по ступням. Теперь я трепетал перед тем, что должен был увидеть!.. Но оно превзошло мое воображение.

В столовой, в оружейной, в спальне, все украшения мебели и стеновых обшивок были кто с отрезанным носом, кто без руки, кто без виноградиного листка. На

животах сундуков, вдоль каминных, на бедрах вытянутых в ряд резных колонн располагались как шрамы, глубокие, надписи, сделанные ножом: имя владельца, какое-нибудь дурацкое изречение или день и час этой геркулесовой работы. В глубине большой галереи, моя престальная вагая нимфа Ионны, что опирается колени на шею комсоматой львицы, служила мишенью: ее живот был пробит выстрелами из аркебузы. И повсюду, как попало, удары и порезы, натесанные стружки, пятна чернил и вина, пририсованные усы или гнусные шутки. В конце всякая мерзость, которую скука, одиночество, дурачество и глупость могут внушить мозгу богатого идиота; не зная, что ему придумать, сидя в своем замке и не будучи ни на что годен, он может только разрушить... Если бы он был тут, мне кажется, я бы убил его. Я охал, у меня в глотке дыханье спираю. Долго я не в состоянии был выговорить слова. У меня густо покраснела шея, и жалы на лбу надулись, я тарачил глаза, как рак. Наконец, несколькими ругательствам удалось выйти наружу. Было в самую пору! Еще

немного, и я бы задохся... Раз поток прервался, я уступил ему. Десять минут сряду, и без передышки, я прожинал всех богов и изрыгал мою злобу:

— «Ах, пес,—кричал я
Нужно же было мне принести в твою логово прекрасных детей моих, для того, чтоб ты измучил их, изувечил, изнасиловал, загрязнил и загадил их.

— На этот раз они взяли у меня все. Я гожусь только в могилу. У меня не осталось ничего, кроме моей кожи. Да, но то, что в ней, чорт дерь, осталось тоже... Мир—бесплодная равнина, на которой кое-где растительность, что посеяли мы, художники. Твари земные и небесные стекаются их клевать, щипать и вытаптывать. Неспособные творить, они умеют только убивать. Грызите и уничтожайте, скоты, топчите ногами мой хлеб—я выращу другой. Созрел колос, и ссох колос, что мне за дело до жатвы? В чреве земли набухают новые семена. Я—то, что будет, а не то, что было.

ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ УЕХАЛ ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Письмо Ромэн Роллана товарищу СТАЛИНУ

Горки, около Москвы, 20.VII.35 г.

Дорогой товарищ СТАЛИН! Накануне моего отъезда из Москвы, я посылаю Вам мой сердечнейший привет. Во время моего слишком короткого пребывания в СССР, ограниченного плохим состоянием моего здоровья, я соприкоснулся с могучим народом, который, проводя непрестанную борьбу против тысячи препятствий, создает под руководством компартии в героическом и упорядоченном порыве новый мир. Я восхищался его здоровой мощью, его радостью жизни, его энтузиазмом, несмотря на лишения и трудности—мало-помалу преодолеваемые—которые еще более поднимают ценность его великих работ.

Я убежден с подлинным убеждением в том, что я и предчувствовал, приезжая сюда: что единственно настоящий мировой прогресс неотделимо связан с судьбами СССР, что СССР является пламенным очагом пролетарского Интернационала, которым должно стать и которым будет все человечество, что обязательным долгом во всех странах является защита его против всех врагов, угрожающих его подлему. От этого долга,—Вы это знаете, дорогой товарищ,—я никогда не отступал, не отступлю никогда, до тех пор, пока буду жить.

Жму Вам руку и, через Вас, я жму бесчисленные руки великого народа, к которому у чувствую себя братски привязанным.

РОМЭН РОЛЛАН

Частушки

Эй, товарищ, давай спляшем, Давай выходку дадим. Я ведь есть простой рабочий, Да и ты не господин.

Хорошо на горке жить, Трудно подниматься. Хорошо девчат любить, Трудно расставаться...

Скоро-скоро солнце сядет Скоро за лес скроется. Скоро миленький придет Сердце успокоится.

Мою милву сватали Мена под лавку спрятали. Но я там не оробел Из под лавочки глядел

Из колодца вода льется На душистую сирень. Проводи меня до дому Неужели тебе лень?

Ты, милашка, дай бумажки, Дай мне чистенький листок Нарисую твои глазки И курносенький носок.

Мою милую венчали На крыльчке я стоял. Повенчали и помчали Головой я покачал.

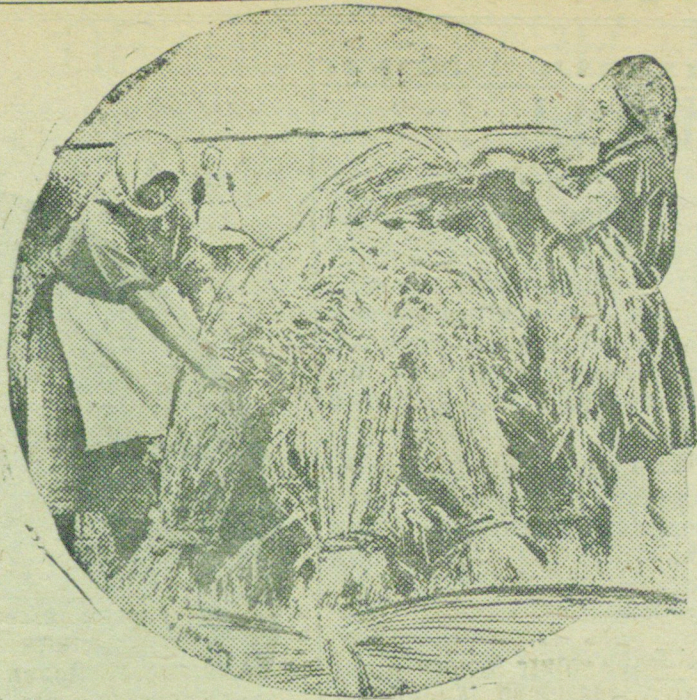
Красотой твоей довольна Ты в рубашке розовой... Только тем я недовольна Редко ты тверезый.

Гляну-гляну я на небо Эй, какая высота... Крепко милку поцелую— Ух, какая красота.

Милка любит—не целует Только обещается, А любовь без поцелуя Строго воспрещается.

Завела девчата спор Чей миленок лучше... А всех лучше мой—шахтер, Он премию получит.

Собрал Н. Артемов

На колхозных полях нашей родины.

ПЕСНЯ ТОНИ

Из кино-фильма „Горячие денечки“

Пусть тебя не мучает тревога В ясные твои глаза гляжу, Про такого парня боевого Никому плохого не скажу...

На твоём пути большие села И морей отчаянный прибой,— Всем скажу какой ты развеселый

И что бредят девушки тобой.. Пусть гора не сходится с горою! Ты весной из-за горы крутой Приезжай на роллину герсом С драгоценной шашкой золотой

Будет ясным небо голубое И с семи часов до девяти Как приятно будет мне стоюю Вдоль по главной улице пройти!

С этой думой—звонкой и простою И разлуку я перетерплю, Буду дожидать тебя весною Потому, что я тебя люблю...

На эстраде.

НЕ ПЕРЕВОДЯ ДЫХАНИЯ...

Мрачное северное небо, облака низко ползущие над болотами и лесами, над забитой бревнами рекой, серенькие, невзрачные лесные избушки, редко разбросанные по местности—таков, казалось бы не веселый и не пафосный пейзаж последнего, нашумевшего романа Ильи Эренбурга „Не переводя дыхания“. Но Эренбург—замечательный мастер художественного слова, умеющий действительно каждую мелочь превратить в большой, волнующий вопрос, вполне сознательно выбрал этот невзрачный пейзаж. И он с удивительным мастерством показал нам кусок социализма, его мощную, твердую поступь на дальнем Севере.

Герои романа—комсомольцы. Это они—лучшие сплавщики, это они—молодые и сильные стоят у рам на лесозаводах, они добывают стране лес. Но все ли они таковы? Все ли комсомольцы одинаковы? Нет. Вот один из них, такой же, как все, для кого комсомол дорог и близок, как любимая девушка—Петька Мезенцев. Вместе со всеми он вырос, лучше других работал, опасал лес, уносимый в море неукротимым течением реки—таков Петька. Его комсомольцы, и все парни и девушки любят, доверяют ему свои сердечные думы, считают своим вожаком.

Лишь один комсомолец не может примириться с этим, это—Генька Синицин. Он сам хочет быть „вождем“, он хочет во что бы то ни стало выделиться, „не быть таким, как все“. Но как это сделать? Генька достаточно умен для этого и решает что сначала надо войти в массы чтобы потом из масс выйти. Но как они стараются, как не пыгаются

„войти в массы“ у него это не выходит. Он не живет, как Петька, интересами остальных комсомольцев и поэтому его никто не любит, о нем лишь скупко говорят: —Синицын? Ничего парень...

Даже крепко любившая его жена, комсомолка Леля не выдерживает мучений жизни с этим черствым, не живым сухарем и беременная уходит от него. Тогда Генька начинает казаться, что его здесь не понимают и, вообще, не поймут, не дадут развернуться его творческим способностям. „Где то жизнь не плетется, а летит. Что ни день—люди изобретают новые машины. Дома в двадцать этажей... Эту жизнь зовут Москвой и Генька едет в Москву“.

Но перед отъездом он решает „сбить спесь“ с Петьки Мезенцева. Когда на комсомольском собрании его начинают критиковать, он багровея говорит:

... Мезенцев для вас пример. Он умеет обращаться с мамами, не то, что я. Почему же такой Мезенцев позволяет себе абсолютно все? Понравилась ему девушка, он взял да женился. Ему, например, наплевать, что она действительно классово-чуждая...

Так начинается в романе вторая сюжетная линия. Мезенцев не знал до этого, что Варя Стасова—его любимая девушка, обманула, не сказала ему об этом. Это заявление Синицина застает его врасплох. Он не может мириться с тем, что лучшая комсомолка, его Варя скрыла свое социальное прошлое. Но это так и Петька Мезенцев отдаст себя комсомолу, разрывая с любимой женой. Лишь впоследствии оказалось, что отец ее—полусумасшедший, дей-

ствительно был лишенец, но она с ним с детства не жила. Партийная организация стала на защиту Вари Стасовой, но она идет на далекую западь, кровяными мозолями заглаживать свою вину...

А Генька Синицын в это время уже шагает по широким проспектам Москвы. Но и здесь крушатся его надежды. На заводе его не любят. Старый рабочий—орденоносец Кудряшев говорит ему:

— Калечный ты, чорт! И откуда вы такие беретесь?..

Но Генька Синицын—не чужак, не Володька Сафонов из „Дня второго“. Он рабочий и сын рабочего, толковый изобретатель, это тот живой человеческий материал, который надо переварить в котле социалистической стройки. Москва рушит картонные домики Генькиных надежд, заставляет переоценить себя. И Генька уезжает радистом на остров Вайгач...

Таковы герои романа. Но „Не переводя дыхания“—книга не только о комсомоле. Как истинный художник, Эренбург создает целую галерею типов строителей нового Севера. Все они: ботаник Лясс, актриса Лидия Николаевна и художник Кузьмин увидели как по новому цветет жизнь и при помощи партии нашли свое место в ней. Они вместе с Ляссом говорили:

„Вы что думаете? Большевики это просто партия? Нет, ребята, большевики это—племя!“

Стоит ли удивляться, поэтому, что эту замечательную книгу можно читать ночи, читать именно так, как она названа, читать—не переводя дыхания...

Г. Искров

КТО ОНИ?

На рисунке герои некоторых литературных произведений. Назовите их! Ответы шлите в редакцию.

Литкружок на втором руднике

На нашем руднике среди рабочих есть несколько начинающих литераторов. Пишут стихи — Орешин, Петров, я и др. Еще в 1934 году у нас родилась мысль об организации своего литкружка.

Но лишь в июне этого года нам пришлось осуществить эту мечту. Мы провели организационное собрание, выработали план работы. Затем вскоре провели и второе занятие, где разобрали стихи Коли Петрова. Критиковали много, но сошлись на одном, что всем надо и все будут учиться. **Ник. Симченко.**

Что пишут литкружковцы

● **Мих. Багун** — Сейчас работает над большим романом „Семья Сысоевых“ о классовой борьбе в деревне. Закончил также рассказ „Враг в доме“, очерк „На границе“ и ряд стихов.

● **Бор. Маринский**. Заканчивает рассказ „Артем Дробов“ из жизни комсомольца сланцев. Скоро этот рассказ будет обсуждаться на литгруппе.

● **И. Ветров** Закончил большое лирическое стихотворение „22“—о двадцати-двулетнем молодом человеке нашего времени.

О „Литературном Ударнике сланца“

Литературная газета на нашем комбинате будет теперь выходить регулярно раз в месяц. Следующий номер „Литературного Ударника сланца“ выйдет 25 августа. Материал: стихи, рассказы, очерки, критические заметки несите в редакцию—Набережная, 14.

Отв. ред. И Френтишев

Тип. „Гдов. кол.“ Зак. № 674 Уполн. Облгорл. № 390. Тир. 1000 Колич. знак. 54. 540